

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.114.5

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484>

Шифр научной специальности 5.1.1

Дениализм как социальная деформация и правовые средства его преодоления

Волкова Наталья Сергеевна,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель заведующего отделом социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, Большая Черемушkinsкая ул., 34, SPIN-код: [2304-4020](#), РИНЦ AuthorID: [695368](#), <https://orcid.org/0000-0001-7652-7536>, volkova@izak.ru

Путило Наталья Васильевна,

кандидат юридических наук, заведующий отделом социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, Большая Черемушkinsкая ул., 34, SPIN-код: [3819-2953](#), РИНЦ AuthorID: [416873](#), Scopus Author ID: [57215691038](#), <https://orcid.org/0000-0001-7148-5875>, social2@izak.ru

Аннотация

Исследована эволюция подходов юридической науки к изучению деформаций правосознания, включая правовой нигилизм и правовой идеализм, дениализм. Особое внимание уделено анализу нового для юриспруденции феномена – дениализму, под которым понимается идеологически мотивированное, иррациональное отрицание объективных фактов и научных знаний, принимающее форму коллективного мировоззрения. Отмечено, что в отличие от нигилизма как индивидуальной поведенческой стратегии, дениализм имеет массовое, более масштабное проявление, что несет угрозу коллективному сознанию и стабильности социума. Проанализированы проявления дениализма в различных сферах и меры правового противодействия ему, которые носят межотраслевой характер и варьируются от просветительских стратегий до жестких запретов и уголовной репрессии. Подчеркнуто, что поиск баланса между защитой публичного интереса и автономией личности является центральной проблемой в условиях кризиса. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего правовые ограничения с активной просветительской деятельностью, повышением уровня образованности населения, особенно в цифровой среде.

Ключевые слова

дениализм, правовой нигилизм, правосознание, правовая культура, просвещение, профилактика, наука, воспитание

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Н.С. Волкова – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, редактирование. Н.В. Путило – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Волкова Н.С., Путило Н.В. Дениализм как социальная деформация и правовые средства его преодоления // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 474-484. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484>

OECD 5.05; ASJC 3308

Denialism as a social deformation and legal means of overcoming it

Natalia S. Volkova,

Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head of the Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, SPIN-code: [2304-4020](#), RSCI AuthorID: [695368](#), <https://orcid.org/0000-0001-7652-7536>, volkova@izak.ru

Natalya V. Putilo,

Cand. Sci. (Law), Head of Social Legislation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, SPIN-code: [3819-2953](#), RSCI AuthorID: [416873](#), Scopus Author ID: [57215691038](#), <https://orcid.org/0000-0001-7148-5875>, social2@izak.ru

Abstract

The evolution of legal science approaches to the study of legal consciousness deformations, including legal nihilism and legal idealism, denialism, is investigated. Special attention is paid to the analysis of a new phenomenon for jurisprudence – denialism, which is understood as an ideologically motivated, irrational denial of objective facts and scientific knowledge, taking the form of a collective worldview. It is noted that unlike nihilism as an individual behavioral strategy, denialism has a massive, larger-scale manifestation, which poses a threat to the collective consciousness and stability of society. The manifestations of denialism in various fields and legal measures to counter it are analyzed, which are of an intersectoral nature and range from educational strategies to strict prohibitions and criminal repression. It is emphasized that the search for a balance between the protection of public interest and individual autonomy is a central problem in the context of the crisis. The conclusion is made about the need for an integrated approach combining legal restrictions with active educational activities, increasing the level of education of the population, especially in the digital environment.

Keywords

denialism, legal nihilism, legal awareness, legal culture, education, prevention, science, education

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

N.S. Volkova – concept development, collection and processing of normative documents, selection of literature, writing – original draft preparation, revision. N.V. Putilo – concept development, c collection and processing of normative documents, selection of literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation

Volkova, N.S., & Putilo, N.V. (2025). Denialism as a social deformation and legal means of overcoming it. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 474-484. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-474-484>

Введение

Вопросы правосознания и правовой культуры, правомерного и девиантного поведения также прочно вошли в предмет юридической науки, как и выработка решений для повышения уровня правосознания, искоренения негативных поведенческих практик – в предмет педагогики.

Изучение проблемы правового воспитания учащихся представлено в значительном количестве работ, авторы которых рассматривают в качестве одной из задач педагогической деятельности формирование правильного эмоционально-оценочного отношения к праву, передачу таких знаний и развитие таких умений и навыков, которые приведут в дальнейшем к следованию правовым нормам в различных жизненных ситуациях.

Проблема правового сознания раскрывалась на протяжении долгих лет и в теоретических, и в отраслевых исследованиях юридического профиля. Так, в учебнике А.И. Денисова показана связь нормотворчества и правосознания, сделаны важные для дальнейшего становления теории правосознания выводы о том, что правосознание – это, с одной стороны, «предпосылка правотворческой деятельности государства», с другой – инструмент корректировки права «в практическом применении его норм» [1, с. 474]. Несомненный вклад в развитие теории правосознания в послевоенную эпоху внесли работы Е.А. Лукашевой [2], В.А. Туманова [3], И.Е. Фарбер [4].

Создание в 1971 г. Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (ВНИИСЗ) специального структурного подразделения – сектора теории и методики правового воспитания – способствовало проведению разноплановых исследований в области правовой культуры, правового сознания, правового воспитания [5], результатом которых стали идеи о механизме влияния правовой идеологии на правовую психологию, особенностях формирования правосознания в социалистическом обществе, связи правосознания и антикоррупционной деятельности и др.

Методы исследования

Методологию исследования составляют теоретический анализ в части изучения со-

держания и эволюции понятий «правовой нигилизм», «правовой идеализм» и новых деформаций правосознания. Применение сравнительно-правового метода позволило демаркировать смежные категории «нигилизм» и «дениализм». Формально-юридический метод лег в основу анализа правовых инструментов противодействия дениализму в различных отраслях права. Междисциплинарный подход обогатил терминологическую базу, позволив интегрировать в юридический лексикон понятийный аппарат социологической и психологической наук.

Результаты исследования и обсуждение

Наряду с традиционно используемыми в юридической науке терминами (правовой нигилизм и правовой идеализм) в последнее время отмечается расширение понятийного аппарата юриспруденции за счет заимствования терминов из иных отраслей научного знания [6]: правовой инфантилизм (неполнота правовых знаний, несформированность твердых положительных правовых установок при личной уверенности субъекта права в обладании глубокими правовыми познаниями) [7], правовой дилетантизм (небрежное отношение к праву, правовым ценностям, вызванное не умыслом достижения противоправных целей, а отсутствием достаточных правовых знаний), правовая демагогия (обманное намерение субъекта права эффективно воздействовать на правовые чувства, знания и действия людей посредством ложного представления правовой действительности для достижения собственных целей) и др.

Не отрицая важности критической оценки правового идеализма (близкие к нему термины: «юридическая аномия» [8], «правовой романтизм» [9, с. 312]), которому свойственно преувеличивать регулятивные возможности права, считаем, что правовой нигилизм как весьма распространенный в обществе дискурс требует нового осмысления, в том числе с учетом деформаций правосознания, тесно с ним связанных («правовая невменяемость» [10, с. 318-319], правовая безграмотность и др.).

Нигилизм (в переводе с латинского «ничто», «ничего») – это социальное, а не только юридическое явление, поскольку прояв-

ляется в виде негативного отношения к любым социальным нормам. Нигилизм не имеет в своем содержании позитивного момента: создание новых правил взамен отрицательных, иных ценностей, которые могут заместить неприемлемые, не предполагается. В условиях, когда объективная реальность замещается медиатизированной, информационные технологии увеличивают возможность манипулятивного воздействия на сознание, а исходящая от публичных структур информация у большинства граждан не верифицируется и воспринимается как правда [11, с. 70; 12, с. 87], изучение негативного отношения к социальным нормам, и в особенности к правовым, является важнейшей задачей междисциплинарных исследований. Усиливает значимость такого рода исследований и их результата – рекомендаций по преодолению деформаций правосознания – длительность того периода, в течение которого правовой нигилизм ярко присутствовал в жизни российского общества. По мнению исследователей, во многом правовой нигилизм определялся бесправным положением крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения страны [13, с. 43].

Правовой нигилизм – явление многогранное. По мнению А.С. Пиголкина, это и «глобальное отрицание права как действенного инструмента регулирования общественной жизни, проведения социальных преобразований, пренебрежение его требованиями, ...неверие в то, что закон способен защитить личность, обеспечить ее права» [14, с. 359-360], и оправдание неправомерных, а иногда и вовсе противоправных действий.

В советский период традиционным было использование термина «нигилизм» для характеристики определенных идеологических и социально-психологических тенденций негативного отношения к социальным и культурным ценностям и завоеваниям общества [15, с. 9].

Наступление постмодерна связано с мировоззренческими сдвигами в общественном и индивидуальном сознании, с переосмыслением господствующей системы ценностей, с признанием многовариантности и поликонструируемости социальной реальности. Общество постмодерна – это общество неопределенности, где понятие социальной

полезности правовой нормы [16, с. 23] становится содержательно размытым. Будет ли такое общество в состоянии генерировать идеи, используемые в качестве базы для социальной солидарности? Ответ на этот вопрос важен для юридической науки, поскольку одна из функций права – быть системой, воспроизводящей основные формы социальной солидарности [17, с. 69] – важнейшего принципа построения и нормального функционирования общества, в основе которого лежат ценности, проистекающие из коллективных идей.

Коллективное сознание, как его определил Эмиль Дюркгейм в 1893 г., представляет собой совокупность верований и чувств, общих для большинства членов одного и того же коллектива, притом что эта совокупность обладает достаточно автономным от этих членов существованием («имеет свою собственную жизнь») [17, с. 80]. Современная психология [18] также использует корреляцию между нормативной установкой, типичностью действий и собственно поведением для отграничения нормального поведения от отклоняющегося: под нормальным поведением понимают нормативно-одобряемое поведение, характерное для большинства людей; аномальное поведение, соответственно, характеризуется как нормативно-неодобряемое, нестандартное.

Нормы, убеждения и ценности, то есть то, что составляет коллективное сознание, формируют ту духовно-нравственную основу общества, которая обеспечивает социальную интеграцию, то есть именно коллективное сознание, имеет жизнеобеспечивающее значение для социума, «создает» общество и удерживает его в состоянии единства, и в то же время само коллективное сознание формируется посредством взаимодействий индивидов.

Те действия индивидов, которые оскорбляют, возмущают общественное сознание, признаются неправовыми в ходе деятельности государства, ведь задача государственной власти (символ общественного сознания, его живое выражение) – заставлять уважать верования, традиции, коллективные обычаи, то есть защищать общее сознание как от внутренних, так и внешних врагов [17, с. 84]. Преступление – это не

только нарушение интересов, даже серьезных, это оскорбление авторитета, в своем роде трансцендентного; первыми преступлениями, по мнению Г. Спенсера, Э. Дюркгейма [17, с. 94] и др., были преступления против «скреп» общества – идей, входящих в коллективное сознание. Поэтому рост количества новых, включая деструктивные, правил, убеждений и ценностей способен нарушить достигнутый консенсус в коллективном сознании, привести к деградации и даже разрушению общества.

Одна из деформаций правосознания – дениализм, которому крайне мало внимания уделяется в юридической литературе, однако в последнее время появляются и специальные исследования [19; 20]. Чаще всего под ним понимают «иррациональное отрицание установленных научных фактов по идеологическим позициям» [21].

Разграничение понятий «нигилизм» и «дениализм» представляется непростой задачей – в основе обоих поведенческих феноменов лежит эмоционально предопределенное отклонение (отрицание) объективно существующей реальности (ситуационное или глобальное). Основное различие заключается в том, что в основу дениализма положена идеологическая составляющая – дениальные убеждения не являются самогенерируемыми, они привносятся извне, вплетаясь в формирующиеся/сформированные флуктуации рационального мышления человека, навязывая наиболее простой способ ухода от повседневности и упрощая тем самым встраивание индивида в близкие по убеждениям деструктивные группы людей. Нигилизм же остается персонифицированной поведенческой стратегией, самостоятельным мировоззренческим выбором того или иного индивида ввиду собственных образовательных и культурологических представлений.

Термин «дениализм», который исследовался в аспекте способов распространения дезинформации, стал активно применяться в научном обороте с середины 2000-х гг. Под дениализмом понималось «использование риторических приемов для создания видимости аргументации или спора в их отсутствие» [22, р. 1]. Отмечалось, что это «способ отвлечения от действительно полезных де-

батов с использованием эмоционально привлекательных, но нелогичных утверждений» [22, р. 2].

Однако постепенно дениализм из рядового способа распространения квазинаучных, но, по сути, ложных тезисов трансформировался в особый метод конструирования мировоззрения, в основу которого положено отрицание некоторой «некомфортной» истины или систематическое отклонение эмпирических результатов с целью избежать нежелательных выводов [23, с. 230-231]. Дениализм стал проповедовать отрицание в широком смысле, «когда целый сегмент общества отворачивается от реальности в пользу более удобной лжи» [24, р. 15], превратившись в дениалистскую идеологию мировосприятия. Дениализм может причинять вред как на индивидуальном, так и на общественном уровне, при этом деструктивные последствия ощущаются в первую очередь в науке и академических исследованиях, поскольку «отрицание подрывает целостность научных, основанных на доказательствах знаний и препятствует прогрессу в понимании и решении проблем, актуальных для общества» [25, с. 137].

Дениализм имеет тенденцию становиться социальным фактом, то есть физическим объектом¹ или смыслом, настроением и образом действия, фиксированным или нет, но способным накладывать на индивида внешнее ограничение. Следует отметить, что Э. Дюркгейм ввел понятие «социальный факт» для описания явлений, которые существуют сами по себе, не зависят от действий индивидов, однако оказывают на них воздействие, которое может быть формализовано в виде правового регулирования или осуществляться посредством неформального религиозного или семейного нормирования поведения [26, с. 10].

В основе «отрицания» могут лежать разные факторы: личный интерес, желание избежать чувства незащищенности или потери контроля, необходимость сохранить

¹ Например, физический объект «флаг» представляет ряд нематериальных социальных фактов: «значение флага», «важность флага»; такие индивидуальные и субъективные явления, как любовь, свобода также можно рассматривать в качестве объективных социальных фактов.

свою культурную или политическую идентичность и др. В технологически насыщенном мире усложняются социальные связи – цифровизация коммуникации обуславливает необходимость для индивида погружения в новую реальность с ее техническими обременениями. Поэтому зачастую человек ищет способы бытия вне науки, вне доминирующего общества знаний – отрицание, уход от реальности становится своеобразной стратегией самосохранения. Между тем дениализм – это не обыденная поведенческая реакция. Это трансформация повседневной практики отрицания в новый способ мировосприятия в его коллективном проявлении [27, р. 7-10].

Особенно ярко феномен дениализма проявляется в медицине: медицинское отрицание стало распространенным явлением, а движения ВИЧ-диссидентов [28], ковид-диссидентов [29] ввиду их массовости – фактором, несущим угрозу стабильности функционирования системы общественного здоровья [30; 31]. Необходимость противостояния деструктивным проявлениям в здравоохранении из-за обострения эпидемиологической ситуации предопределила применение в некоторых государствах жестких способов правового реагирования на распространение диссидентских течений. Например, в Уганде Закон 2014 года «О профилактике и контроле ВИЧ и СПИДа» (*HIV and AIDS Prevention and Control Act*) ввел наказание в виде штрафа и (или) тюремного заключения за намеренное распространение недостоверной информации, касающейся лечения, профилактики или борьбы с ВИЧ-инфекцией. Закон Филиппин 1998 г. «О профилактике и борьбе со СПИДом» (*Philippine AIDS Prevention and Control Act of 1998*) предусматривает санкции вплоть до лишения свободы за дезинформацию о профилактике и борьбе с ВИЧ/СПИДом посредством ложной и вводящей в заблуждение рекламы. Такого рода государственный интервенционизм в сферу охраны здоровья обосновывается экстраординарной ситуацией, когда проявления индивидуального выбора создают риски для здоровья популяции. Впрочем, как правило, в этой сфере законотворческая практика, как и правовая доктрина, исходят из презумпции рационального поведения субъекта, предпо-

лагающей осознанное соблюдение баланса между личной автономией и благополучием социума.

Правовые инструменты противодействия дениализму обладают комплексным межотраслевым характером. Одна из ключевых проблем заключается в определении допустимых пределов ограничения государством автономии воли индивида – такие границы по мере усугубления кризисных ситуаций становятся все более подвижными, даже несмотря на то, что применение императивных предписаний, принуждающих к выбору конкретной модели поведения (например, обязательные профилактические прививки в сфере охраны здоровья граждан), зачастую порождает этико-правовой конфликт между публичными интересами и правом личности на самостоятельное поведенческое решение.

В западных правовых порядках подобный конфликт усугубляется общепризнанным приоритетом личной автономии над общественными нуждами, который исторически обусловлен идеологией верховенства индивидуальной свободы [32]. Данная проблематика не нова: поиск баланса между вмешательством государства в частную сферу и объемом индивидуальных прав ведется на протяжении всей истории государственности, особенно обострившись в XX веке, провозгласившем права человека высшей ценностью. Между тем повсеместно в постпандемическом мире, как отмечает академик РАН Т.Я. Хабриева, «состоялась смена приоритетов в правовом регулировании в направлении усиления защиты публичного интереса, произошла коррекция соотношения публичного и частного в праве» [33, с. 26-27].

В современный период вопросы безопасности личности и государства приобретают новые теоретические и практические аспекты, наблюдается тенденция к расширению использования мер, направленных на сдерживание деструктивных практик, противоречащих доминирующей государственной политике, в том числе по ключевым проблемам идеологического и культурно-нравственного контекста [34, с. 4]. Показательны в этом отношении федеральные законы, направленные на блокирование пропаганды отказа от деторождения («чайл-

дфри»)² – одного из проявлений дениализма в отношении института семьи, охраняемого Основным законом (статьи 38, 72, 114 Конституции Российской Федерации).

Некоторые из дениалистских течений в нашей стране пресекаются радикально, в том числе применением мер уголовно-правовой ответственности. Так, санкции статьи 354.1 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают наказание вплоть до лишения свободы на срок до трех лет за публичное отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Отрицание Холокоста криминализировано в целом ряде государств (ФРГ, Франция, Австрия, Израиль и др.) [35; 36], и достигнутый общественный консенсус по данным вопросам, основанный на исторических фактах и юридически значимых решениях [37], детерминирует жесткую позицию государств³.

Подобный правовой подход во многом обусловлен теми последствиями для коллективного сознания, которые несут идеи отрицания. Их массивная способность подрывать устоявшуюся систему общественных ценностей, дестабилизируя поначалу небольшие сегменты общества, но постепенно распространяя вредоносное воздействие на все больший круг людей. Представляется возможным рассматривать дениализм не только как разрушительную для общества идеологию, построенную на квазинаучных суждениях по актуальным для социума проблемам, но и как кризисную для правосоз-

нания ситуацию в контексте понимания кризиса как «отклонения от эволюционного развития государства и права» [38, с. 15]. Такая трактовка позволяет признать резонной строгость юридического ответа на «движения отрицателей», поскольку в кризисной ситуации резко сужаются диспозитивность и автономия и расширяются императивность и авторитарность в правовом регулировании [39, с. 96; 40, с. 90].

Впрочем, деликатность некоторых сфер, куда проникают дениалистские течения, позволяет предположить эффективность противодействия им и посредством продвижения, в первую очередь, просветительских идей. Так, для снижения недоверия к медицине, особенно в сфере вакцинопрофилактики, необходимы совместные и системные усилия всех участников системы здравоохранения. Стратегия борьбы может охватывать повышение медицинской грамотности населения; целевое санитарное просвещение, включающее информацию о симптомах, причинах заболеваний, рисках, методах профилактики и эффективности вакцин; формирование навыков поиска достоверных медицинских источников и снижение интереса к псевдонаучным ресурсам. При этом гарантированное получение квалифицированного лечения, грамотное и ответственное взаимодействие медицинских работников с пациентами являются ключевыми факторами, способствующими снижению влияния деструктивных тенденций.

Основное поле борьбы с дениалистскими течениями – информационное пространство: интернет-ресурсы и социальные медиа выступают значимым фактором распространения нигилистских воззрений, поскольку являются одними из самых доступных каналов коммуникации и обладают высокой «проникающей» способностью. Развитие нейротехнологий усугубляет риск стороннего вмешательства в умственную деятельность человека [41] и воздействия на принимаемые им решения, а с учетом псевдонаучности дениалистских убеждений имеется основание предполагать возможность широкого распространения подобных деструктивных течений, их использования для социополитических манипуляций. Тревожным представляется также феномен «дилетант-

² О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 411-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 48. Ст. 7218; О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 401-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 48. Ст. 7208.

³ Можно предположить, что такая радикальная позиция государства дает свои плоды – согласно официальной судебной статистике число осужденных по части 1 статьи 354.1 УК РФ (по основной статье) неуклонно снижается: в 2021 г. число осужденных составляло 21; в 2022 г. – 10, в 2023 г. – 6, в 2024 г. – 3.

ской экспертности», когда пользователи рассматривают онлайн-источники как исчерпывающую базу знаний, в связи с чем у них формируется иллюзия компетентности, при этом не учитываются ни достоверность источников, ни полнота содержащихся в них данных.

Заключение

Современная юридическая наука сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных девиаций правосознания, таких как правовой нигилизм, и анализа новых, активно проявляющихся в условиях цифровизации феноменов, в частности – де-

ниализма, который понимается как идеологически мотивированное, иррациональное отрицание объективных фактов и научных знаний, принимающее форму коллективного мировоззрения. Его ключевая опасность заключается в способности подрывать устойчивую систему коллективного сознания, что угрожает социальной стабильности. Правовой инструментарий противодействия дениализму носит комплексный межотраслевой характер и требует поиска баланса между защитой публичных интересов и автономией личности.

Список источников

1. Денисов А.И. Теория государства и права. Москва, 1948. 532 с.
2. Лукашева Е.А. Роль социалистического правосознания народных масс в установлении, развитии и укреплении социалистической законности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1954. 16 с.
3. Туманов В.А. О некоторых чертах правосоциалистической идеологии в области государства и права // Советское государство и право. 1958. № 3. С. 54-66.
4. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1962. 906 с.
5. Мицкевич А.В., Кищин В.А., Тищенко В.В. и др. Роль правового воспитания в предупреждении правонарушений. Москва, 1985. 240 с.
6. Бондарев А.С. Понятие и структура правовой антикультуры // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 9. С. 3-5. <https://elibrary.ru/nbfqyz>
7. Осипов Р.А. Правовой инфантилизм как деформация правосознания личности // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 207-214. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-207-214>, <https://elibrary.ru/psjwgd>
8. Липинский Д.А., Иванов А.А. Юридическая аноμία как фактор неопределенности целей социального развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 1. С. 6-29. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-63-6-29>, <https://elibrary.ru/fvdhvx>
9. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. Москва: НОРМА, 2008. 448 с. <https://elibrary.ru/sdqpgl>
10. Ильин И.А. Теория права и государства. Москва, 2008. 550 с. <https://elibrary.ru/qqokkd>
11. Поворова Е.А. Медиальный поворот в эпоху постправды и судебная власть // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 66-74. https://doi.org/10.52433/01316761_2025_02_66, <https://elibrary.ru/qovpte>
12. Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С. Старый и новый рационализм // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. Москва, 2005. 230 с.
13. Пашенцев Д.А. Влияние рецепции на генезис правовой системы России // История государства и права. 2009. № 7. С. 42-45. <https://elibrary.ru/kdmijr>
14. Теория государства и права / под общ. ред. А.С. Пиголкина. Городец, 2003. 544 с.
15. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты: опыт критической характеристики. Ленинград, 1972. 296 с.
16. Пашенцев Д.А. Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 22-33. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.064>, <https://elibrary.ru/gpfeho>
17. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Москва: Наука, 1991. 575 с.
18. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). Москва: Академия, 2003. 288 с.
19. Волкова Н.С. Медицинский дениализм: понятие, истоки и возможности права в его преодолении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 6 (106). С. 102-110. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.106.6.102-110>, <https://elibrary.ru/yvuhlo>
20. Тухватулина Л.А. Наука как объект веры и недоверия: феномен дениализма // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 1. С. 6-20. <https://doi.org/10.5840/eps20236011>, <https://elibrary.ru/gzvfah>

21. Аверина К.Н., Подкапилина М.Л., Шамаев Г.П. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2018.
22. Hoofnagle M., Hoofnagle C.J. What is Denialism? Social Science Research Network, April, 2007. P. 1-14. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4002823>
23. Darner R. How Can Educators Confront Science Denial? // Educational Researcher. 2019. Vol. 48. Issue. 4. P. 229-238. <https://doi.org/10.3102/0013189X19849415>
24. Specter M. Denialism: How Irrational Thinking Hinders Scientific Progress, Harms the Planet, and Threatens Our Lives. New York, USA: Penguin Press, 2009. 304 p.
25. Godulla A., Seibert D., Klute T. What Is Denialism? An Examination and Classification of Definitional Approaches and Relevant Actors // Journalism and Media. 2024. № 5. P. 135-147. <https://doi.org/10.3390/journalmedia5010010>
26. Дюркгейм Э. Правила социологического метода / пер. с фр. В. Желнинова. Москва: Изд-во АСТ, 2021. 384 с.
27. Bardón A. The Truth About Denial: Bias and Self-Deception in Science, Politics, and Religion. Oxford: Oxford University Press, 2020. 335 p.
28. Волкова Н.С., Калмыкова А.В., Путило Н.В. Право в борьбе с HIV denialism (ВИЧ-диссидентством) // Власть Закона. 2022. № 3 (51). С. 82-100. <https://elibrary.ru/ebjccx>
29. Ciacchella C., Veneziani G., Bagni C. Escaping the Reality of the Pandemic: The Role of Hopelessness and Dissociation in COVID-19 Denialism // Journal of Personalized Medicine. 2022. № 12 (8). P. 1302. <https://doi.org/10.3390/jpm12081302>
30. Цомартова Ф.В., Путило Н.В. Общественное здоровье: от принципа управления здравоохранением до конституционно-правовой ценности // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 93-109. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.008>, <https://elibrary.ru/iacxrv>
31. Правовая политика государства в сфере общественного здоровья / отв. ред. Н.В. Путило. Москва: Проспект, 2023. 224 с. <https://elibrary.ru/yxsjci>
32. Mello M.M. Vaccine misinformation and the first amendment – the price of free speech // JAMA Health Forum. 2022. № 3 (3). <https://doi.org/10.1001/jamahealthforum.2022.0732>, <https://elibrary.ru/rsnmzd>
33. Хабриева Т.Я. Правовые очерки технологической революции. Москва: Норма, 2025. 144 с. <https://elibrary.ru/ockfxy>
34. Чеботарев Г.Н. Трансформация права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 2. С. 4-8. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2025-2-4-8>, <https://elibrary.ru/zcotxf>
35. Нелаева Г.А., Сидорова Н.В., Хабарова Е.А. Криминализация отрицания Холокоста и других международных преступлений: обзор европейской и российской практики // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 33-49. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-1-33-49>, <https://elibrary.ru/lkakke>
36. Ветошкина Е.Д. Отрицание Холокоста: социальная обусловленность и сравнительный анализ уголовно-правового запрета // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 11 (168). С. 129-138. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.168.11.129-138>, <https://elibrary.ru/epodif>
37. Нудель С.Л. Уголовная ответственность в механизме противодействия реабилитации нацизма // Журнал российского права. 2024. № 11. С. 73-83. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.11.1>, <https://elibrary.ru/asporc>
38. Правовое управление в кризисных ситуациях / С.Б. Бальхаева, Х.И. Гаджиев, С.А. Грачева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. Москва: Проспект, 2022. 280 с.
39. Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2014. 191 с. <https://elibrary.ru/svbikv>
40. Ромашов Р.А., Валиев Р.Г. О правотворческом усмотрении как психолого-юридическом истоке права // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 81-94. <https://doi.org/10.61205/S160565900031620-6>, <https://elibrary.ru/jdbqhz>
41. Будник Р.А. Права человека в реалиях нейропрогресса: юридические средства компенсации нейротехнических рисков // Журнал российского права. 2025. № 3. С. 35-52. <https://doi.org/10.61205/S160565900032805-9>, <https://elibrary.ru/vuwjtu>

References

1. Denisov A.I. (1948). *Theory of State and Law*. Moscow, 532 p. (In Russ.)

2. Lukasheva E.A. (1954). *Rol' sotsialisticheskogo pravosoznaniya narodnykh mass v ustanovlenii, razvitii i ukreplenii sotsialisticheskoi zakonnosti*. Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 16 p. (In Russ.)
3. Tumanov V.A. (1958). On some features of the right-wing socialist ideology in the field of state and law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *The Soviet State and Law*, no. 3, pp. 54-66. (In Russ.)
4. Farber I.E. (1962). *Pravosoznanie kak forma obshchestvennogo soznaniya*. Dr. Sci. (Law) diss. Moscow, 906 p. (In Russ.)
5. Mitskevich A.V., Kishchin V.A., Tishenko V.V. et al. (1985). *The Role of Legal Education in Crime Prevention*. Moscow, 240 p. (In Russ.)
6. Bondarev A.S. (2010). The concept and structure of legal anti-culture. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = *State Power and Local Self-Government*, no. 9, pp. 3-5. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nbfqyz>
7. Osipov R.A. (2022). Legal infantilism as a deformation of the legal consciousness of the individual. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* = *Legal Policy and Legal Life*, no. 3, pp. 207-214. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-207-214>, <https://elibrary.ru/psjwgd>
8. Lipinskii D.A., Ivanov A.A. (2024). Legal anomie as a factor of uncertainty of the social development goals. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* = *Perm University Herald. Juridical Sciences*, no. 1, pp. 6-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-63-6-29>, <https://elibrary.ru/fvdhvx>
9. Vitruk N.V. (2008). *General Theory of the Legal Status of the Individual*. Moscow, NORMA Publ., 448 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdqpgl>
10. Il'in I.A. (2008). *Theory of Law and the State*. Moscow, 550 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqokkd>
11. Povorova E.A. (2025). Media turn in the post-truth era and the judicial branch. *Rossiiskaya yustitsiya* = *Russian Justice*, no. 2, pp. 66-74. (In Russ.) https://doi.org/10.52433/01316761_2025_02_66, <https://elibrary.ru/qovpte>
12. Kasavin I.T., Lektorskii V.A., Shvyrev V.S. (2005). Old and new rationalism. *Dialog kul'tur v globaliziruyushchetsya mire: Mirovozzrencheskie aspekty* = *Dialogue of Cultures in a Globalizing World: Ideological Aspects*. Moscow, 230 p. (In Russ.)
13. Pashentsev D.A. (2009). The influence of reception on the genesis of the Russian legal system. *Istoriya gosudarstva i prava* = *History of the State and Law*, no. 7, pp. 42-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kdmijr>
14. Pigolkin A.S. (ed.) (2003). *Theory of State and Law*. Gorodets, 544 p. (In Russ.)
15. Novikov A.I. (1972). *Nihilism and Nihilists: The Experience of Critical Characterization*. Leningrad, 296 p. (In Russ.)
16. Pashentsev D.A. (2023). The effectiveness of legal norms in postmodern society. *Zhurnal rossiiskogo prava* = *Journal of Russian Law*, no. 6, pp. 22-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.064>, <https://elibrary.ru/gpfefo>
17. Dyurkgeim E. (1991). *On the Division of Social Labor. The Method of Sociology*. Moscow, Nauka Publ., 575 p. (In Russ.)
18. Zmanovskaya E.V. (2003). *Deviantology: (Psychology of Deviant Behavior)*. Moscow, Akademiya Publ., 288 p. (In Russ.)
19. Volkova N.S. (2023). Medical denialism: the concept, origins and possibilities of law in its overcoming. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* = *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 6 (106), pp. 102-110. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.106.6.102-110>, <https://elibrary.ru/yvuhlo>
20. Tukhvatulina L.A. (2023). Science as an object of faith and distrust: the phenomenon of denialism. *Epistemologiya i filosofiya nauki* = *Epistemology and Philosophy of Science*, vol. 60, no. 1, pp. 6-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.5840/eps20236011>, <https://elibrary.ru/gzvfh>
21. Averina K.N., Podkatilina M.L., Shamaev G.P. (2018). *Commentary on Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001, "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation"*. SPS KonsultantPlus. (In Russ.)
22. Hoofnagle M., Hoofnagle C.J. (2007). What is Denialism? *Social Science Research Network*, April, pp. 1-14. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4002823>
23. Darner R. (2019). How Can Educators Confront Science Denial? *Educational Researcher*, vol. 48, issue 4, pp. 229-238. <https://doi.org/10.3102/0013189X19849415>
24. Specter M. (2009) *Denialism: How Irrational Thinking Hinders Scientific Progress, Harms the Planet, and Threatens Our Lives*. New York, Penguin Press Publ., 304 p.
25. Godulla A., Seibert D., Klute T. (2024). What Is Denialism? An Examination and Classification of Definitional Approaches and Relevant Actors. *Journalism and Media*, no. 5, pp. 135-147. (In Russ.) <https://doi.org/10.3390/journalmedia5010010>
26. Dyurkgeim E. (2021). *Rules of the Sociological Method*. Moscow, AST Publ., 384 p. (In Russ.)

27. Bardon A. (2020). *The Truth about Denial: Bias and Self-Deception in Science, Politics, and Religion*. Oxford, Oxford University Press Publ., 335 p. (In Russ.)
28. Volkova N.S., Kalmykova A.V., Putilo N.V. (2022). Law in the fight against HIV denialism. *Vlast' Zakona = The Rule of Law*, no. 3 (51), pp. 82-100. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ebjccx>
29. Ciacchella C., Veneziani G., Bagni C. (2022). Escaping the Reality of the Pandemic: The Role of Hopelessness and Dissociation in COVID-19 Denialism. *Journal of Personalized Medicine*, no. 12 (8), p. 1302. (In Russ.) <https://doi.org/10.3390/jpm12081302>
30. Tsomartova F.V., Putilo N.V. (2023). Public health: from the principle of healthcare management to the constitutional and legal value. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 1, pp. 93-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.008>, <https://elibrary.ru/iacxrv>
31. Putilo N.V. ed. (2023). *Legal Policy of the State in the Field of Public Health*. Moscow, Prospekt Publ., 224 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yxsjci>
32. Mello M.M. (2022). Vaccine misinformation and the first amendment – the price of free speech. *JAMA Health Forum*, no. 3 (3). (In Russ.) <https://doi.org/10.1001/jamahealthforum.2022.0732>, <https://elibrary.ru/rsnmzd>
33. Khabrieva T.Ya. (2025). *Legal Essays on the Technological Revolution*. Moscow, Norma Publ., 144 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ockfxy>
34. Chebotarev G.N. (2025). Transformation of law in the sphere of preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 2, pp. 4-8. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2025-2-4-8>, <https://elibrary.ru/zcotxf>
35. Nelaeva G.A., Sidorova N.V., Khabarova E.A. (2020). Criminalization of Holocaust denial and of other international crimes: a review of European and Russian praxis. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, no. 1, pp. 33-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-1-33-49>, <https://elibrary.ru/lkakkc>
36. Vetoshkina E.D. (2020). Holocaust denial: social conditionality and comparative analysis of criminal law prohibition. *Lex Russica*, vol. 73, no. 11 (168), pp. 129-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.168.11.129-138>, <https://elibrary.ru/epodif>
37. Nudel S.L. (2024). Criminal liability in the mechanism of counteracting the rehabilitation of Nazism. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 11, pp. 73-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.11.1>, <https://elibrary.ru/asporc>
38. Tikhomirov Yu.A. ed. (2022). *Legal Management in Crisis Situations*. Moscow, Prospekt Publ., 280 p. (In Russ.)
39. Shmidt T.N. (2014). *Emergency Legal Regulation: A General Theoretical Legal Study*. Cand. Sci. (Law) Diss. Barnaul, 191 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/svbikv>
40. Romashov R.A., Valiev R.G. (2025). On lawmaking discretion as the psychological and legal source of law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 29, no. 1, pp. 81-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/S160565900031620-6>, <https://elibrary.ru/jdbqhz>
41. Budnik R.A. (2025). Human rights in the realities of neuro-progress: legal means of compensation for neuro-technological risks. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 3, pp. 35-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/S160565900032805-9>, <https://elibrary.ru/vuwjtu>

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.